

Эта странная жизнь

Автор:

[Даниил Гранин](#)

Эта странная жизнь

Даниил Александрович Гранин

Даниил Гранин – классик отечественной литературы, писательская карьера которого началась в далеком 1949 году. Автор более 30 книг, свыше десятка из них экранизированы. Лауреат зарубежных и отечественных литературных премий, дважды лауреат Государственной премии, лауреат премии «Большая книга» 2012 года.

Книга «Эта странная жизнь», впервые изданная в 1974 году (сразу тиражом в 100 000 экземпляров!), за почти сорок лет переиздавалась десятки раз, она переведена на несколько языков, в том числе английский и немецкий, и ее по праву считают родоначальницей и вдохновительницей современного тайм-менеджмента.

Для всех, кому интересны отношения «человек – время», кто хочет больше успевать, справляться с возрастающим объемом задач, а также для тех, кому интересна история.

Даниил Гранин

Эта странная жизнь

© Гранин Д. А., 1974

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Заряжен Граниным. Заряжен Любичевым

В далекие студенческие годы мне попала в руки книга Даниила Гранина, которую я прочел – сначала запоем, а потом уже перечитывал, перечитывал и перечитывал, смакуя, как дорогой коньяк...

И думал: «Вот человечество!..»

И таких людей – тогда еще в СССР – было немало.

Ученые, спортсмены, изобретатели, преподаватели, студенты... сотни, тысячи, десятки тысяч людей старались стать лучше, эффективнее, профессиональнее.

Не все шли на такие жертвы, как герой Гранина, не все работали по его системе один в один – но многие брали с него пример и равнялись на него.

Сколько людей «заряженных» Граниным, работает в России (и, увы, за рубежом), я не знаю – но я точно знаю, что многие могли бы – как и я – признаться в том, что мы в значительной степени обязаны ему и его герою своими достижениями и успехами.

Я буду очень рад, если книга, которую выпускают мои коллеги, будет такой же популярной, как и в момент ее выхода (тогда стартовый тираж книги составил

100 тысяч экземпляров).

Обращаюсь к своим ровесникам – дайте (обязательно!) прочитать книгу своим детям.

Поколение YYY – прочитайте эту книгу, отложив в сторону ваши социальные сети и компьютерные игры.

Нам всем нужно, чтобы эту книгу прочитало как можно больше молодых людей.

Может, тогда нынешнее поколение не будет потерянным – и будет сфокусированным, сконцентрированным и нацеленным на то, чтобы находить свои цели и достигать их.

Мои коллеги из «Манн, Иванов и Фербер» помогли вам, как могли, – книга, как всегда, отлично изданная, перед вами.

Осталось вздохнуть... найти время и нырнуть в чтение...

Заряжайтесь Граниным. Заряжайтесь Любищевым.

И действуйте, действуйте, действуйте.

Нам нужны новые герои.

Игорь Манн

Глава первая,

где автор размышляет, как бы заинтересовать читателя, а тот решает, стоит ли ему читать дальше

Рассказать об этом человеке хотелось так, чтобы придерживаться фактов и чтобы было интересно. Довольно трудно совместить оба этих требования. Факты интересны тогда, когда их не обязательно придерживаться. Можно было попытаться найти какой-то свежий прием и, пользуясь им, выстроить из фактов занимательный сюжет. Чтобы была тайна, и борьба, и опасности. И чтобы при всем при том сохранялась достоверность.

Я мог бы изобразить, например, этого человека спаянным бойцом-одиночкой против могущественных противников. Один против всех. Еще лучше – все против одного. Несправедливость сразу привлекает сочувствие. Но на самом деле было как раз – один против всех. Он нападал. Он первый наскочил и сокрушал. Смысл его научной борьбы был достаточно сложен и спорен. Это была настоящая научная борьба, где никому не удастся быть окончательно правым. Можно было приписать ему проблему попроще, присочинить, но тогда неудобно было оставлять подлинную фамилию. Тогда надо было отказаться и от многих других фамилий. Но тогда бы мне никто не поверил. Кроме того, хотелось воздать должное этому человеку, особенно теперь, когда его нет в живых.

Конечно, подлинность мешала, связывала руки. Куда легче иметь дело с выдуманным героем. Он и покладистый и откровенный – автору известны все его мысли и намерения, и прошлое его, и будущее.

У меня была еще другая задача: ввести в читателя все полезные сведения, дать описания – разумеется, поразительные, удивительные, но, к сожалению, не подходящие для литературного произведения. Они, скорее, годились для научно-популярного очерка. Представьте себе, что в середине «Трех мушкетеров» вставлено описание фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть мои сведения, поскольку это и есть самое важное...

Хотелось, чтобы о нем прочло много людей, ради этого, в сущности, и затевалась эта вещь.

...На крючок секрета тоже вполне можно было подцепить. Обещание секрета, тайны – оно всегда привлекает, тем более что тайна эта не придуманная: я действительно долго бился над дневниками и архивом моего героя, и все, что я извлек оттуда, было для меня открытием, разгадкой секрета поразительной жизни.

Впрочем, если по-честному, – тайна эта не сопровождается приключениями, погоней, не связана с интригами и опасностями.

Секрет – он насчет того, как лучше жить. И тут тоже можно возбудить любопытство, объявив, что вещь эта – про поучительнейший пример наилучшего устройства жизни – дает единственную в своем роде Систему жизни.

«Наша Система позволяет достигнуть больших успехов в любой области, в любой профессии!»

«Система обеспечивает наивысшие достижения при самых обыкновенных способностях!»

«Вы получаете не отвлеченную систему, а гарантированную, проверенную многолетним опытом, доступную, продуктивную...»

«Минимум затрат – максимум эффекта!»

«Лучшая в мире!..»

Можно было бы обещать читателю рассказать про неизвестного ему выдающегося человека XX века. Дать портрет героя нравственного, с такими высокими правилами нравственности, какие ныне кажутся старомодными. Жизнь, прожитая им, – внешне самая заурядная, по некоторым приметам даже незадачливая; с точки зрения обывателя, он – типичный неудачник, по внутреннему же смыслу это был человек гармоничный и счастливый, причем счастье его было наивысшей пробы. Признаться, я думал, что люди такого масштаба повывелись, это – динозавры...

Как в старину открывали земли, как астрономы открывают звезды, так писателю может посчастливиться открыть человека. Есть великие открытия характеров и типов: Гончаров открыл Обломова, Тургенев – Базарова, Сервантес – Дон-Кихота.

Это было тоже открытие, не всеобщего типа, а как бы личного, моего, и не типа, а скорее, идеала; Впрочем, и это слово не подходило. Для идеала Любичев тоже не годился...

Я сидел в большой неудобной аудитории. Голая лампочка резко освещала седины и лысины, гладкие зачесы аспирантов, длинные лохмы, и модные парики, и курчавую черноту негров. Профессора, доктора, студенты, журналисты, историки, биологи... Больше всего было математиков, потому что происходило это на их факультете – первое заседание памяти Александра Александровича Любищева.

Я не предполагал, что придет столько народу. И особенно – молодежи. Возможно, их привело любопытство. Поскольку они мало знали о Любищеве. Не то биолог, не то математик. Дилетант? Любитель? Кажется, любитель. Но почтовый чиновник из Тулузы – великий Ферма – был тоже любителем... Любищев – кто он? Не то виталист, не то позитивист или идеалист, во всяком случае – еретик.

И докладчики тоже не вносили ясности. Одни считали его биологом, другие – историком науки, третьи – энтомологом, четвертые – философом...

У каждого из докладчиков возникал новый Любищев. У каждого имелось свое толкование, свои оценки.

У одних Любищев получался революционером, бунтарем, бросающим вызов догмам эволюции, генетики. У других возникала добрейшая фигура русского интеллигента, неистово терпимого к своим противникам.

– ...В любой философии для него была ценна живая критическая и созидаящая мысль!

– ...Сила его была в непрерывном генерировании идей, он ставил вопросы, он будил мысль!

– ...Как заметил один из великих математиков, гениальные геометры предлагают теорему, талантливые ее доказывают. Так вот он был предлагающий.

– ...Он слишком разбрасывался, ему надо было сосредоточиться на систематике и не тратить себя на философские проблемы.

- ...Александр Александрович – образец сосредоточенности, целеустремленности творческого духа, он последовательно в течение всей своей жизни...

- ...Дар математика определил его миропонимание...

- ...Широта его философского образования позволила по-новому осмыслить проблему происхождения видов.

- ...Он был рационалист!

- ...Виталист!

- ...Фантазер, человек увлекающийся, интуитивист!

Они многие годы были знакомы с Любищевым, с его работами, но каждый рассказывал про того Любищева, какого знал.

Они и раньше, конечно, представляли его разносторонность. Но только сейчас, слушая друг друга, они понимали, что каждый знал только часть Любищева.

Неделю до этого я провел, читая его дневники и письма, вникая в историю забот его ума. Я начал читать без цели. Просто чужие письма. Просто хорошо написанные свидетельства чужой души, прошедших тревог, минувшего гнева, памятного и мне, потому что и я когда-то думал о том же, только не додумал...

Вскоре я убедился, что не знал Любищева. То есть знал, я встречался с ним, я понимал, что это человек редкий, но масштабов его личности я не подозревал. Со стыдом я признавался себе, что числил его чудачком, мудрым милым чудачком, и было горько, что упустил много возможностей бывать с ним. Столько раз собирался поехать к нему в Ульяновск, и все казалось, успеется.

Который раз жизнь учила меня ничего не откладывать. Жизнь, если вдуматься, терпеливая заботница, она снова и снова сводила меня с интереснейшими людьми нашего века, а я куда-то торопился и часто спешил мимо, откладывая на потом. Ради чего я откладывал, куда спешил? Ныне эти прошлые спешности кажутся такими ничтожными, а потери – такими обидными и, главное,

непоправимыми.

Студент, что сидел рядом со мною, недоуменно пожал плечами, не в силах соединить в одно противоречивые рассказы выступавших.

Прошел всего год после смерти Любичева – и уже невозможно было понять, каким он был на самом деле.

Ушедший принадлежит всем, с этим ничего не поделаешь. Докладчики отбирали из Любичева то, что им нравилось, или то, что им было нужно в качестве доводов, аргументов. Рассказывая, они тоже выстраивали свои сюжеты. С годами из их портретов получится нечто среднее, вернее – приемлемо среднее, лишенное противоречий, загадок – сглаженное и малоузнаваемое.

Этого осредненного объяснят, определят, в чем он ошибался и в чем шел впереди своего времени, сделают совершенно понятным. И неживым. Если он, конечно, поддастся. Над кафедрой висела в черной рамке большая фотография – старый плешивый человек, наморщив висячий нос, почесывал затылок. Он озадаченно поглядывал не то в зал, не то на выступающих, как бы решая, какую ему еще штуку выкинуть. И было ясно, что все эти умные речи, теории не имеют сейчас никакого отношения к тому старому человеку, которого уже нельзя увидеть и который так был сейчас нужен. Я слишком привык к тому, что он есть. Мне достаточно было знать, что где-то есть человек, с которым обо всем можно поговорить и обо всем спросить.

Когда человек умирает, многое выясняется, многое становится известным. И наше отношение к умершему подытоживается. Я чувствовал это в выступлениях докладчиков. В них была определенность. Жизнь Любичева предстала перед ними завершенной, теперь они решились обмыслить, подытожить ее. И было понятно, что теперь-то многие его идеи получают признание, многие работы будут изданы и переизданы. У умерших почему-то больше прав, им больше позволено...

...А можно сделать и так: предупредить читателя, что никакой занимательности не будет, наоборот, будет много сухой, сугубо деловой прозы. И прозой-то это назвать нельзя. Автор мало что сделал для украшения и развлечения. Автор сам с трудом разобрался в этом материале, и все, что тут сделано, было сделано по причинам, о которых автор сообщает в самом конце этого непривычного ему

самому повествования.

Глава вторая

о причинах и странностях любви

Давно уж меня смущал энтузиазм его поклонников. Не впервые их эпитеты казались чересчур восторженными. Когда он приезжал в Ленинград, его встречали, сопровождали, вокруг него постоянно роился народ. Его «расхватывали» на лекции в самые разные институты. То же самое творилось в Москве. И занимались этим не любители сенсаций, не журналисты – открыватели непризнанных гениев: есть такая публика, – как раз наоборот, серьезные ученые, молодые доктора наук – весьма точных наук, люди скептические, готовые скорее свергать авторитеты, чем устанавливать.

Чем для них был Любищев – казалось бы, провинциальный профессор, откуда-то из Ульяновска, не лауреат, не член ВАКа... Его научные труды? Их оценивали высоко, но имелись математики и покрупнее Любищева, и генетики позаслуженнее его.

Его эрудиция? Да, он много знал, но в наше время эрудицией можно удивить, а не завоевать. Его принципиальность, смелость? Да, конечно... Но я, например, не многое мог оценить, и большинство мало что понимало в его специальных исследованиях... Что им было до того, что Любищев получал лучшую дискриминацию трех видов Хэтокнема? Я понятия не имел, что это за Хэтокнем, и до сих пор не знаю. И дискриминантные функции тоже не представляю. И тем не менее редкие встречи с Любищевым производили на меня сильное впечатление. Оставив свои дела, я следовал за ним, часами слушал его быструю речь с дикцией отвратительной, неразборчивой, как и его почерк.

Симптомы этой влюбленности и жадного интереса напомнили мне таких людей, как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, и Лев Давидович Ландау, и Виктор Борисович Шкловский. Правда, там я знал, что передо мною люди исключительные, всеми признанные как исключительные. У Любищева же такой известности не было. Я видел его без всякого ореола: плохо одетый, громоздкий, некрасивый старик, с провинциальным интересом к разного рода литературным

слухам. Чем он мог пленить? Поначалу казалось, что привлекает еретичность его взглядов. Все, что он говорил, шло как бы вразрез. Он умел подвергнуть сомнению самые незыблемые положения. Он не боялся оспаривать, какие угодно авторитеты – Дарвина, Тимирязева, Тейяра де Шардена, Шредингера... Всякий раз доказательно, неожиданно, думал оттуда, откуда никто не думал. Видно было, что он ничего не заимствовал, все было его собственное, выношенное, проверенное. И говорил он собственными словами, в их первородном значении.

– Я – кто? Я – дилетант, универсальный дилетант. Слово-то это происходит от итальянского «дилетто», что значит – удовольствие. То есть человек, которому процесс всякой работы доставляет удовольствие.

Еретичность была только признаком, за ней угадывалась общая система миропонимания, нечто непривычное, контуры уходящего куда-то ввысь грандиозного сооружения. Формы этого еще не достроенного здания были странны и привлекательны...

И все же этого было недостаточно. Чем-то меня еще пленял этот человек. Не только меня. К нему обращались учителя, заключенные, академики, искусствоведы и люди, о которых я не знаю, кто они. Я читал не их письма, а ответы Любищева. обстоятельные, свободные, серьезные, некоторые – очень интересные, и в каждом письме он не снисходил, а напряженно размышлял. Чувствовалась его непохожесть, отдельность. Через письма я лучше понял свое чувство. В письмах он раскрывался, по-видимому, лучше, чем в общении. По крайней мере так мне казалось теперь.

Не случайно у него почти не было учеников. Хотя это вообще свойственно многим крупным ученым, создателям целых направлений и учений. У Эйнштейна тоже не было учеников, и у Менделеева, и у Лобачевского. Ученики, научная школа – это бывает не так часто. У Любищева были поклонники, были сторонники, были почитатели и были читатели. Вместо учеников у него были учащиеся, то есть не он их учил, а они учились у него – трудно определить, чему именно, скорее всего тому, как надо жить и мыслить. Похоже было, что вот наконец-то нам встретился человек, которому известно, зачем он живет, для чего... Словно бы имелась у него высшая цель, а может, даже открылся ему смысл его бытия. Не просто нравственно жить и добросовестно работать, нет, он понимал сокровенное значение всего того, что делал. Ясно, что это годилось только для него одного. Альберт Швейцер не призывал никого ехать врачами в Африку. Он отыскивал свой путь, свой способ воплощения своих принципов. Тем

не менее пример Швейцера затрагивает совесть людей.

У Любищева была своя история. Не явная, большей частью скрытая как бы в клубнях. Они начали обнажаться лишь теперь, но присутствие их ощущалось всегда. Что б там ни говорилось, интеллект и душа человеческая обладают особым свойством излучения – помимо поступков, помимо слов, помимо всех известных законов физики. Чем значительнее душа, тем сильнее впечатление...

Глава третья,

в которой автор сообщает сведения, разумеется, достойные удивления и раздумья

Никто, даже близкие Александра Александровича Любищева не подозревали величины наследия, оставленного им.

При жизни он опубликовал около семидесяти научных работ. Среди них классические работы по дисперсионному анализу, по таксономии, то есть по теории систематики, по энтомологии – работы, широко переведенные за границей.

Всего же им написано более пятисот листов разного рода статей и исследований. Пятисот листов – это значит двенадцать с половиной тысяч страниц машинописного текста: с точки зрения даже профессионального писателя, цифра колоссальная.

История науки знает огромные наследия Эйлера, Гаусса, Гельмгольца, Менделеева. Для меня подобная продуктивность всегда была загадочной. При этом казалось необъяснимым, но естественным, что в старину люди писали больше. Для нынешних же ученых многотомные собрания сочинений – явление редкое и даже странное. Писатели – и те, похоже, стали меньше писать.

Наследие Любищева состоит из нескольких разделов: там работы по систематике земляных блошек, истории науки, сельскому хозяйству, генетике, защите растений, философии, энтомологии, зоологии, теории

эволюции... Кроме того, он писал воспоминания о ряде ученых, о Пермском университете.

Он читал лекции, заведовал кафедрой, отделом научного института, ездил в экспедиции: в тридцатые годы он исколесил вдоль и поперек Европейскую Россию, ездил по колхозам, занимаясь вредителями садов, стеблевыми вредителями, сусликами... В так называемое свободное время, для «отдыха», он занимался классификацией земляных блошек. Объем только этих работ выглядит так: к 1955 году Любищев собрал 35 ящиков смонтированных блошек. Их было там 13 000. Из них у 5000 самцов он препарировал органы. Триста видов. Их надо было определить, измерить, препарировать, изготовить этикетки. Он собрал материалов в шесть раз больше, чем имелось в Зоологическом институте. Он занимался классификацией вида Халтика всю жизнь. Для этого надо иметь особый талант углубления, надо уметь понимать такие работы, их ценность и неисчерпаемую новизну. Когда у известного гистолога Невмываки спросили, как может он всю жизнь изучать строение червя, он удивился: «Червяк такой длинный, а жизнь такая короткая!»

Любищев умудрился работать и вширь и вглубь, быть узким специалистом и быть универсалом.

Диапазон его знаний трудно было определить. Заходила речь об английской монархии – он мог привести подробности царствования любого из английских королей; говорили о религии – выяснялось, что он хорошо знает Коран, Талмуд, историю папства, учение Лютера, идеи пифагорейцев... Он знал теорию комплексного переменного, экономику сельского хозяйства, социал-дарвинизм Р. Фишера, Античность и бог знает что еще. Это не было ни всезнайством, ни начетничеством, ни феноменом памяти. Подобные знания возникли в силу причин, о которых речь пойдет ниже. Замечу, что, конечно, и усидчивостью он обладал колоссальной. Усидчивость – это ведь тоже свойство некоторых талантов, кстати – распространенное и необходимое для такой специальности, как энтомология: Любищев сам говорил, что принадлежит к ученым, которых надо снимать не с лица, а с зада.

Судя по отзывам специалистов – таких ученых, как Лев Берг, Николай Вавилов, Владимир Беклемишев, Павел Светлев, – цена написанного Любищевым – высокая. Ныне одни его идеи из еретических перешли в разряд спорных, другие из спорных – в несомненные. За судьбу его научной репутации, даже славы, можно не беспокоиться.

Я не собираюсь популярно рассказывать о его идеях и заслугах. Мне интересно иное: каким образом он, наш современник, успел так много сделать, так много надумать? Последние десятилетия – а умер он восьмидесяти двух лет – работоспособность и идеепроизводительность его возрастали. Дело даже не в количестве, а в том, как, каким образом он этого добивался. Вот этот способ и составлял суть наиболее для меня привлекательного создания Любищева. То, что он разработал, представляло открытие, оно существовало независимо от всех остальных его работ и исследований. По виду это была чисто технологическая методика, ни на что не претендующая, – так она возникла, но в течение десятков лет она обрела нравственную силу. Она стала как бы каркасом жизни Любищева. Не только наивысшая производительность, но и наивысшая жизнедеятельность.

История жизни А. А. Любищева сама по себе достаточно интересна, я бы сказал, романтична. Благодаря усилиям его учеников и поклонников, с годами фигура и труды этого человека предстали перед широкой публикой более или менее полно. Опубликовано несколько монографий о Любищеве, напечатана бо?льшая часть его биологических, философских трудов, его замечательные письма. Справедливость как бы восстановлена. Хотя тем самым установлена и несправедливость его прижизненной судьбы.

В который раз перед нами предстает пример большого ученого, естествоиспытателя, в полной мере не оцененного современниками, отвергнутого официальной наукой (была такая!), репрессированного партийной идеологией.

Меня в огромном наследии Любищева, да и в его жизни более всего занимала одна черта, одна удивительная особенность – то, как он пользовался временем своей жизни. Он создал специальную систему времяпользования и в результате получил совершенно новое качество жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию
(<http://www.litres.ru/daniil-granin/eta-strannaya-zhizn/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: <https://tellnovel.com/ru/daniil-granin/eta-strannaya-zhizn-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)